

Генри Лайон
ОЛДИ

**АРХИВЫ
НАДЗОРА СЕМЕРЫХ**

Генри Лайон Олди
АРХИВЫ НАДЗОРА СЕМЕРЫХ

Просыпается Черный Властелин, сходятся на дуэли великий воин и великий маг, дракон похищает принцессу, ученик колдуна бахвалится перед учителем, бродяга-волшебник учит деревню любви, проклиная ее жителей... Все ли так просто, как нам кажется?

«Архивы Надзора Семерых» — цикл рассказов, в свою очередь входящий в цикл «Чистая фантастика».

Оглавление

[СТАРОЕ ДОБРОЕ ЗЛО](#)

[ДУЭЛЬ](#)

[ПРИНЦЕССА БЕЗ ДРАКОНА](#)

[ТУРНИР В БЛЕЗУА](#)

[ПРОКЛЯТИЕ](#)

СТАРОЕ ДОБРОЕ ЗЛО

Из тайных архивов Нихона Седовласца, автор неизвестен.

После исчезновения Нихона в Жженом Покляпце собрание текстов в присутствии лейб-стряпчего Антоина Д'Эрнона передано Гувальду Мотлоху, верховному архивариусу Надзора Семерых, для заключения под стражу.

Частично публикуется согласно «Декреталию об утечке», параграф «Альтернативная мифургия: предел допустимого».

Да буду Я!

Небытие отпускало без особой охоты. Чмокало, ворчало, всхрапывало. Краткие всплески сознания, мутного спросонок, — как толчки бьющей из раны крови. Ноздри щекочет (у меня уже есть ноздри?!), освежая и дразня, запах серы. Подземные испарения, рудничный газ, аромат тлена и разложения. Благовония сразу придают бодрость телу. Тело?! — разумеется. Я всегда просыпаюсь в плотском облике. Традиция. Если только полное отсутствие в течение четырех тысячелетий можно назвать сном.

Можно.

Просыпаюсь.

Стали доступны чувства. Не все, жалкий огрызок бывшего спектра, но и на этом спасибо. Лесным пожаром вспыхнула жадность нетерпения: коснуться, вобрать, насладиться! Тянусь во все стороны душой, существование которой у меня более чем спорно, эманациями, наличие которых безусловно, щупальцами тончайшей тьмы. Прочь! за границы плоти! в ласковый мрак Цитадели. Блаженный озноб сырости впивается в

рассудок. Острые иглы кристаллов умбронита, какие растут лишь здесь, веками вбирая боль ожидания, пронзают кожу, вливая сладкий яд обреченности. Глубже, глубже!.. Жаль, сейчас я слишком слаб для этого удовольствия. Хватит, я сказал! Тихое урчание: это поток исконной бленны, подземная река, где мертвое превращается в живое, а живое — в странное, кружась в паводке метаморфоз. Моя колыбель, убежище для спящего Владыки и легионов Хаоса, которые вскоре затопят наружный мир! Твердь и небеса содрогнутся от симфонии «Vexatio Grande»; так было бесчисленное число раз, так будет снова — и да будет так во веки веков!

Ах мечты, мечты!

Иногда на меня находит. В позапрошлый раз вообще не хотелось вставать, выбираться на поверхность... Лежу, понимаешь, мечтаю о высоком. Нет, чтобы заняться делом, воплотить грезы в жизнь... А в итоге? Упустил пару веков, сущий пустяк, а едва выбрался наружу — смотрю, ждут. Нехорошо получилось, некрасиво. Вульгарно. Даже Вульрегину поднять не успел.

Вульрегина! Девочка моя!

Я уже хочу тебя.

Входить в твое жаждущее нутро, снова и снова, содрогаясь от болезненного наслаждения; шкворчащие струи бленны омывают нас, единое целое, сплавившееся в пароксизме блаженства. И апофеоз любви — мое тело, опустошенное и безвольное, рвут безжалостные челюсти Черной Вдовы, чтобы останки скользнули в оплодотворенную утробу, растворяясь под напором едкой влаги. Мы сольемся воедино, теснее, чем сотни тысяч любовников. Вечность минет вспышкой молнии, дабы я восстал не из Цитадели, слаб и ничтожен, а из твоей утробы, крошка моя! —

обновленный, в мощи и славе, готовый возглавить армады Зла.

Армады ты извергнешь вслед за мной, прежде чем впасть в спячку.

Геремалумы, мортиферы, вектоморбусы, мисерии, формидонты, феррорки, вокафунусы, гестаторменты, мортикулы, либитинии, инфернефусы, бестистраги... И местные искаженцы, кто встанет под мои знамена на поверхности. Правда, с местными будет трудно — за прошедшие века Адепты Света, победители в последней схватке, наверняка извратили природу большинства достойных существ. А самых непримиримых извели под корень. Ничего, справлюсь. Мне не привыкать. В любом случае пора брать в руки кисть и приступать к сотворению нового шедевра. А сопротивление лишь расцветит полотно новыми красками: охра — ненависти, кармин — вскрытых жил, чернь — смерти, алые сполохи пожаров и сверкание стали. Палитра Черного Владыки. В конце концов, без воинствующей добродетели Адептов было бы скучно: создание Царства Зла невозможно вне разрушения.

Что ж, наверху в избытке найдется, что разрушить!

«Наслаждайся!» — вот мой девиз.

Тянусь сквозь вечную ночь Цитадели, нащупывая зародыш Вульрегины. Бессмертная малютка спит, погружена в материнскую слизь Большой Ямы. Властным толчком я пробуждаю девочку, ощутив, как от нее к потоку бленны метнулись отростки кормящих щупальцев. Ешь на здоровье. Пройдет пять-шесть месяцев, прежде чем ты раздуешься до размеров, позволяющих совокупление.

...Присосалась. Чавкает.

Самое время разрешить себе легкую прогулку. Завести знакомства, приглядеться к будущему полю боя. Владыка бодр и весел, чего и вам желает!

— Нор'астор одчайнур, беле строматос а'Мни...

* * *

Над головой — небо гнусной, навязчивой голубизны. Хуже, чем глаза младенца! Бесстыже-нагое солнце вместо того, чтобы выжигать глаза (иногда это бывает приятно!), заставляло их слезиться. Экая пошлость! Пришлось опустить вторые, стеклистые веки. Помогло. Заодно пожухла дурацкая зелень травы. Кудрявая радость Адепта! Кстати, насчет «пожухла»... Это веки гасят аляповатую безвкусицу — или начинает действовать мой смертоносный взгляд?

Хотелось бы, но вряд ли.

Рановато.

На запястье села омерзительная эфемерида. Радуга крылышек, длинные усики и нежное продолговатое тельце. Дурашка, подумай, куда тебя угораздило опуститься! Или в тебе, уродце-однодневке, есть тайные ростки Темного Начала?! Никогда бы не подумал... Да и чутье подсказывает: нет. Хотя с моим, еще ущербным восприятием... Вторые веки налились пурпуром. Мрачное свечение окутало гостью. Под взглядом Черного Владыки крылья существа быстро твердели и заострялись на концах, тельце покрыла броня хитина, топорщась шипастыми чешуйками, лапки обзавелись коготками с очаровательными каплями яда на концах; и наконец из-под щитка, прикрывшего уязвимую головку, высунулись кривые ж валы. Прелесть! Чудо! Красота есть смертоносная целесообразность, добровольно обращенная ко Злу. Надо будет запомнить для грядущих поколений...

Тварь с треском расправила крылья. Взмыла в воздух, хищно сделав круг. Растроганно я следил за полетом дивного творенья. И тут жалкая, наивная ласточка решила пообедать. Отчаянный птичий крик, комок перьев, судорожно трепыхаясь, рушится наземь, а дитя Владыки вгрызается в живую плоть, спеша достать сердце, бьющееся в агонии. Изящно. Маленький

шедевр: перышки живописно разбросаны, птичка распластана на земле, и в разодранной грудке с деловитым щелканьем копошится малыш-убийца.

С сожалением отрываюсь от радующей глаз картины. Надо будет при случае сотворить крошке достойную пару. Пусть плодятся и размножаются. Но сейчас есть дела поважнее.

И поинтереснее.

* * *

Эта пыточная сразу пришлась мне по сердцу.

Крылось в застенке — куцем, нищем рядом с роскошью былых мучилищ! — тайное очарование примитивизма. Чтобы понять, представьте себе доступный образ: воин-кастрат лишен конечностей, вместе с языком утратил возможность изрыгать брань, и лишь глаза пылают неукротимым огнем. В ожидании каленого шила. Впрочем, здесь допустима иная параллель: первые шаги любимого ребенка. Пустяк, разумеется, в сравнении с броском голодного крокодила или полетом стервятника над падалью, но смотришь с умилением. Общее звучание пыточной напоминало «Lacrimosa», иначе «Слезную» из «Jah'Ziccur Passion» в постановке Эгеля Паленого, прозванного меж коллегами «Днем Гнева». Помнится, на премьере, в финале «Страстей», когда Нюргедский хребет лопался багровыми пузырями, скалы тонули в слюне живого вулкана Томаринду, а Пять Армий сливались на поле брани в сумрачной, неустойчивой гармонии... Проклятье, трудно вспоминать без рыданий! Эгель тогда не выдержал: отшвырнул дирижерский посох, по нисходящей хроматической фразе кинулся в заклятый костер, вспыхнул вдохновением, полторы минуты держал сумасшедшее ми-диез и с мощью исполина духа подвел черту под собственным гением.

Но сегодня речь шла не об экспрессии мистерий, а скорее, о камерном ариозо.

Потянувшись эфирным телом, я проник в пытаемого. Минуту-другую вслушивался в речитатив терзаний, ловя ритм. Боль — великое искусство; плох тот неуч, кто умеет причинять, неспособный испытывать в полной мере. Уловив тональность, для пробы издал мерный вздох в терцию с отдаленным собачьим воем. Вполне. Изящно и со вкусом. Распространив эманацию дальше, изменил движение кисти у палача: широкие, вольные мазки, и бич наконец пошел с правильной оттяжкой. Нервные узлы пытаемого охотно откликнулись, давая понять: мы на верном пути.

Теперь: да будет свет!

Колыхнулись язычки пламени на жаровне, нежно лизнув клещи. Мерным *basso continuo* откликнулся огонь в очаге. Тени пришли в движение. Тихий, суровый хоровод.

— Итак, мерзавец! Где спрячутся твои сообщники?!

Реплика из угла испортила все очарование ситуации. Деловитый вопрос ремесленника, бесчувственного к экстазу паузы.

— Зря, — разочарованно сказал я, оставив пытаемого и возникая напротив. — Вам не хватило такта. Или даже двух тактов. Вступать лучше с запозданием, это держит сцену в напряжении.

К чести короля, он не испугался. Палач, взыв, кинулся вон из застенка, но палачи — ужасные трусы. Никогда не беритесь пытаться палача, если хотите получить удовольствие. Зато короли... о-о-о!.. ладно, сейчас не время для воспоминаний.

Перехватив палача в коридоре, я сломал ему руку и долго любовался матово-белым обломком кости. Потом вернулся обратно.

— Ты демон? Ты пришел за моей душой?

Похоже, деловитость была у Его Величества в крови.

— В определенном смысле. Что ты думаешь о мировом господстве?

— Звучит заманчиво. А что потребуется от меня, кроме души?

— Для начала сущая безделица. Зальем землю кровью, а там посмотрим. Ты даже представить не можешь, как важно для художника сперва загрунтовать холст.

Он задумался. Тени кружились вокруг первого рекрута Зла. Трогательный момент. И все-таки его деловитость... Я предпочитаю чистое искусство, но выбирать не приходилось.

— Давай поторгуюсь. Я насчет души. Согласись, товар редкий, дорогой...

— Оставь ее себе.

— Ты шутишь?

— Ничуть. Я серьезен, как перекладина виселицы.

— Моей армии не хватит, чтобы вести длительные военные действия.

— Поднимем мертвых. Надеюсь, мертвецов в твоём королевстве достаточно?

— Какой давности? Разложившийся труп — плохой солдат.

— Ошибаешься. Из стариков получают штурмовые отряды. Я помню одного, дослужившегося до маршальского жезла. Этот гений блестяще разлагал моральный дух противника одним своим появлением под стенами.

— Мировое господство — дело долгое. Как насчет бессмертия? Иначе, боюсь, не успею.

— Прекрати эту гнусную торговлю! Ты король или ростовщик?! Хорошо, для начала ограничимся тремя тысячами лет вечной молодости. Думаю, успеешь.

— Успею. Давай сюда молодость.

— Давай сюда твою жену. Три дня мучительного жертвоприношения, и молодость тебе гарантирована.

Все-таки он был хорош. Глазом не моргнул.

— Я иду за женой. Если послать стражу, эта стерва может заподозрить подвох и сбежать. А так решит, что зову полюбоваться дыбой. Обожди здесь.

Присев на жаровню, я оглядел пытаемого. В сущности, там еще оставалось, чем занять ожидание. Вот, например. И еще вот.

— А-а-а!.. — вопль оказался на редкость хорош. Звучный, утробный.

Прелесть.

— Что ты делаешь, демон?

— Развлекаюсь. Поторопись, мне скоро надоест.

— Иду. Кстати, спроси у мерзавца, где прячутся его сообщники!

«Куда катится этот мир?» — устало вздохнул я.

— Вон!!!

— Извини. Я думал, раз ты все равно скучаешь...

Мне стало противно. Зайду в следующий раз. Пусть помучится в ожидании.

Пытаемого я прихватил с собой.

* * *

Маг был лыс, склочен и могуч, как любой из некромантов Высшей Ложи.

— Окажу посильную помощь, — мрачным басом сообщил он, не оборачиваясь. — Оплата сдельная, по магистерским ставкам.

В башне стоял беззвучный стон душ, заточенных в кристаллы. Словно комарье над беглым каторжником, угодившим в зыбун. От кожаных переплетов чудесно пахло свежееободранными девственницами и ножами отцеубийц, пущенными в переплавку вместе с владельцами. Из этого сокровенного металла делались угловые скрепы переплетов. Чучело оборотня скалилось в нише, под сушеной головой чародея-вредителя.

Маленькой, размером с кулак грузчика, и способной прорицать по субботам — правда, исключительно неприятности. Помещение напоминало «Башню слез», левую часть триптиха «Добро пожаловать!». Метатрон II, остроумнейший из живописцев, писал эту работу в тюремной яме, при свете луны, чтобы лучше передать динамику «погребной светотени». Доску под будущую картину он взял из днища затонувшего корабля работорговцев, подрядив для этого спрута-падальщика, и загрузил ее «стойким маслом», о рецепте которого позвольте умолчать. У «Башни слез», помимо массы достоинств, имелся крохотный изъян: любясь картиной больше трех с половиной минут, зритель-эстет попадал внутрь изображения, доставляя много удовольствия следующим любителям изящных искусств.

У этого некроманта есть вкус.

Приятная обстановка. Скромно, по-домашнему. Если б не мелкая заноза.

Их вечная деловитость...

— А за идею? Бескорыстно?

Маг смешал прах еретика с вытяжкой слезных желез василиска.

Осторожно нюхая смесь, пожал плечами:

— За идею выйдет дороже. Вам ли не знать? За комиссионные готов порекомендовать идейных коллег. Но, как честный злодей, вынужден предупредить: это либо бездари, либо жалкие лгуны. Перейдем к делу? Я очень стеснен во времени...

Оседлав гроб с позуменами, я кивнул в ответ. Он по-прежнему не оборачивался, но воздух между нами клубился от мощных охранных заклятий. Молодец. Чувство прекрасного есть не у каждого, а что может быть прекрасней хорошего удара в спину во время мирных переговоров? Не удержавшись, я прочел собеседнику краткую лекцию на эту тему. В финале сдернув защиту одним рывком, словно насильник —

покрывало с юной покойницы. Некромант выслушал с вниманием.

— Надеюсь, вы не будете возражать, — он показал на «памятное зеркальце», где в глубине таяли мои тезисы и выводы, — если я опубликую ваши рассуждения в «Вестнике Полуночи»? Разумеется, под своим именем?

— А если я откажу в вашей просьбе?

— Тогда я все равно опубликую, но уже тайно.

Вежливо одобрив решение мага, я еще раз понял, что не ошибся в выборе. Подлец, каких мало.

— Могу поставлять зомби в разумных количествах, — забубнил некромант. Повернуться и взглянуть мне если не в глаза, то хотя бы в мою сторону, он по-прежнему избегал. Разумный человек. Хотя и слишком меркантильный. — Два, максимум три погоста в месяц. Обеспечу прикрытие внедренных соглядатаев. «Блудная завеса», плотность высокая, до трех личин в сутки. Имеются управляемые болотные огни для заманивания в трясину жен и родственников противника. Огненные ливни оптом со скидкой. Подселение тайных пороков, совращение полководцев условного врага, пропаганда суицида среди мирного населения, широкий ассортимент кощунств... Что вы делаете?! Прочь!!!

Я убрал руку от клетки.

— Почему вы кричите, милейший? Я всего лишь хотел ее погладить.

— Когтем? Вашим кривым, зазубренным когтем? Погладить?!

— Ну да. Кто это у вас? Зачарованный конкурент?

— Это мышка. Белая.

— Для вызова Крысьего Щелкунца? Я вас понимаю, с Щелкунцом нужен тонкий подход...

— Геенна нараспашку! Какой еще Крысий Щелкунец? Просто мышка! С хвостиком!